

ВОСПОМИНАНИЯ

Цена освобождения

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ, «ГВ»

Отец, высокий черно-волосый мужчина, выходит из дома, всегда брал её с собой. В 1941 году ей исполнилось 10 лет. Белокурая девочка часто несла в руках корзинку, на дне которой под картошкой или зерном была спрятана взрывчатка. Гитлеровцы не могли заподозрить в этих людях подпольщиков, которые делали всё, чтобы приблизить освобождение родного города. Спустя 74 года о своём отце Дмитрие Басакове, чьё имя занесено на доску мемориала героев-подпольщиков, рассказала Ирина ЛЕМЕШЕВА (Басакова) — та самая девочка, которая не раз проявляла необыкновенное мужество в борьбе с врагом.

— Трижды была на грани жизни и смерти, но чудом не погибла, — вспоминает бывшая подпольщица. — Наверное, судьба оставила меня в живых, чтобы я рассказала, какую цену мы заплатили за избавление от оккупантов.

СМЕРТЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

После захвата Гомеля фашистами Дмитрия Басакова (на снимке) оставили в городе для подпольной деятельности. До войны он трудился прорабом на строительстве корпуса нынешней Гомельской городской клинической больницы № 1, неподалёку от которой и жил в доме по улице 1-й Сельмашевской. Чтобы быть вне подозрения, подпольщик оставил при себе одну из трёх дочерей — 10-летнюю Иру. А через организованную в оккупированном городе биржу труда получил легальное разрешение на открытие мастерской на дому по изготовлению и ремонту жестяных вёдер. Это дало возможность превратить помещение, по сути, в конспиративную квартиру.

— Я нигде этого не рассказывала, — начинает откровенную беседу Ирина Лемешева. — В начале войны подпольщики приносили отцу целый ящик опасных бритв и попросили припаять лезвия к рукоятке так, чтобы они не складывались. Вскоре на улицах стали находить немецких солдат с перерезанным горлом. А нескольких фашистов обнаружили вообще обезглавленными. После этого гитлеровцы стали ходить по городу только по трое или даже впятером.

Одним из первых в сентябре 1941 года Дмитрия Басакова посетил мужчина в чёрном плаще. Он принёс деньги, печатную машинку и ракетницу. — Утром я увидела его у нас в коридоре. После того как он гладко причёсал волосы, отец попросил меня «поить» ему на руки, — Ирина Дмитриевна. — Помню, как будто это было только вчера. — Пока незнакомец умывался, спросила, как его зовут. В отъёте услышала: «Роман». В школе у нас не было Романов,

Фото Дмитрия ЧЕРНЯВСКОГО, «ГВ»

и я подумала: «Имя мне незнакомо, наверное, иностранец». Поинтересовалась: «Вы поляк?» Мужчина засмеялся, а прозвище «Поляк» со временем прижилось за черноволосым незнакомцем. Им оказался один из организаторов и руководителей гомельского коммунистического подполья Роман Тимофеенко. Ракетница же, которую он принёс, сыграла вскоре хорошую службу.

— Папа подавал из неё сигналы нашим самолётам, чтобы советские лётчики точно знали, куда следует сбросить бомбы. А мне говорил: «Не бойся, немцы — трусы, сидят в подвале и к нам во время налёта не сунутся. Если не вернусь, иди к маме с сёстрами. Найдёшь их в деревне под Чечерском».

«НЕ ТРОГАЙТЕ ТУФЕЛЬКИ!»

Когда в дом приходили подпольщики, папа закрывал окна занавесками, а Ира вешала на дверь замок, чтобы все думали, что в доме никого нет. Девочка наблюдала за прохожими. В случае опасности должна была постучать спицей по окну. С улицы слышно не было, а в доме постукивание раздавалось достаточно громко.

— Часто на велосипеде, закатав штанину, к нам приезжал подпольщик Ваня Железняков. Он прятал в конце огорода своё средство передвижения, отворачивал доску в заборе и тайком через малину шёл в сарай, где отец изготавливал взрывчатку. В один из таких приездов Ваня увидел меня, схватил за косичку и, слегка потянув, пошутил: «Ира, когда станешь большой, я на тебе женюсь», — улыбается воспоминаниям Ирина Дмитриевна. — А я не поняла шутки и заплакала, пожаловалась папе: «Ваня меня дразнит».

— Помню, один раз Роман Тимофеенко чуть было не попался в руки предателя, которым оказался наш сосед, — продолжает повествование Ирина Лемешева. — Подпольщик сидел за столом с отцом и готовил антифашистские листовки. В дверь постучали. Тимофеенко быстро вскочил и спрятался в комнате, где не было света. «Слышал, как у вас скрипнула калитка. Кто приходил?» — поинтересовался вошедший. А я папу обняла и говорю: «Никто не приходил. Это я прокатилась на калитке». Сосед помолчал и сказал: «Если кто-то придёт, не забудь сообщить мне, чтобы я проверил документы».

В 1943-м году Ивана Железнякова, как и многих дру-

гих гомельских подпольщиков, зверски замучили в гестапо. Погиб, подорвав вместе с собой двух немцев, и Роман Тимофеенко. Фашисты всё-таки что-то пронюхали и арестовали Дмитрия Басакова. А затем начался обыск в его доме.

— Один из фашистов увидел мои туфельки и стал вырывать стельки, — рассказывает Ирина Дмитриевна. — Думал, что там спрятаны записки для партизан. «Не трогайте мои туфельки!» — закричала я. Немец меня отпихнул, открыл шкаф и стал шарить руками по папиной рабочей одежде. Достал из кармана деньги и, вероятно, листовки. «Отдай, это папины!» — не выдержала я и попыталась забрать. А он как ударил меня ногой! Я упала в шкаф, который был с секретом. В задней его части имелась дверь, через которую дом могли незаметно покинуть подпольщики. Так я оказалась на улице и убежала. А услышав мой крик, в дом вошла наша соседка — жена директора кирпичного завода, который воевал на фронте. Немцы, видимо, посчитали, что она тоже подпольщица, скрутили ей руки и повезли в гестапо.

СТРАШНЕЕ — ПРЕДАТЕЛЬСТВО

12-летнюю Иру фашисты арестовали чуть позже. И начались допросы, которые хорошо врезались в память подпольщицы:

— «Де мама и сёстры? Если скажешь, мы выпустим тебя и папу, — обещал мне следователь по фамилии Соколов. — Кто приходил к папе? Женщины или мужчины? Во что они были одеты? О чём говорили? Где живут?» Я молчала. Помню, в один из дней меня подвели к каменной стене из красного кирпича, у которой стоял молодой человек. Два немца наставили на него винтовки. Что-то спросили. Парень молчал. Прозвучали выстрелы. Юноша упал, и я увидела, как из его головы потекла кровь. Кто был тот герой? Никто уже не скажет. После этого меня взяли за волосы и поставили к стенке. «Говори, кто приходил к папе?» — услышала я. — Будешь молчать — расстреляем!» В последнюю, как мне тогда показалось, секунду жизни вспомнила папины слова: «Не бойся смерти. Смерть не страшна. Один миг — и всё. Страшнее — предательство». И подумала: «Если меня сейчас убьют, вот и хорошо».

Грохнули выстрелы, осколки разлетевшегося кирпича колючими брызгами обдали девочку лицо.

— Тогда ещё не понимала: убили они меня или нет. Оглохла

от звуков. «Нет, не падаю, крови нет», — была первая мысль. Запугать хотели, а не вышло! — в голосе Ирины Лемешевой и сейчас слышны грозные нотки. — Подвозили меня немцы на машине и к проходным предприятиям. Хотели, чтобы я через щель в занавеске указала на подпольщиков. Но я никого не выдала.

Во время одного из допросов следователь отёрнул палатку, которая закрывала нишу в стене, и сказал: «Басаков, выйди. Обними свою дочь».

— Папа оказался у меня за спиной, наклонился и поцеловал волосы на моей голове. Его обвисшие, как плети, руки коснулись пола. Он застонал и выпрямился. Только тогда я поняла, что его руки вывернуты из плеч. Я обняла отца, вскрикнула: «Папочка, что с твоими руками?» — вспоминает со слезами на глазах Ирина Дмитриевна. — А папа мне говорит: «Дочка, держись! Победа будет за нами». Через месяц Ирина Дмитриевна увидела отца на допросе снова.

— Его лицо заросло чёрной бородой. Следователь Соколов положил перед папой на край стола кусочек хлеба и сказал: «Поднеси его ко рту». А потом добавил: «Вот видишь, ты один хотел своими золотыми руками победить великую Германию, но теперь даже хлеб не можешь взять. Так будет с каждым». Я прижалась к папе и оцарапала ладони о колючую проволоку, которой были обмотаны его руки. Следователь стал меня оттащить, зажал голову между ног и готовился ударить. А я со всей силы, на какую была способна, впилась зубами в его ногу. Думала: «Хоть так отомщу за отца». Следователь бросил меня на пол, забегал от боли по кабинету, а потом как даст кованым сапогом по лицу. — Ирина Лемешева проводит пальцем по шраму, который и спустя годы различим на щеке. — Закричал: «Нет, нет! Ты не девочка, ты мальчик, мальчик-партизан!» И стал избивать ногами. А потом наступила чёрная тьма, голоса становились всё тише и тише. Немец вытянул меня за ногу в коридор. На мгновение я очнулась, когда ударила головой о порожек двери камеры, куда меня бросили на бетонный пол. После той встречи отца больше не видела. Его расстреляли 26 сентября 1943 года.

«ПРИВЕДИ НАМ МАМУ И СЕСТЁР»

— В гестапо были полицаи, которые работали, видимо, на наше подполье, — делится предположением Ирина Лемешева. — Иначе я не могу объяснить, по какой причине меня всё-таки выпустили со словами: «Приведи нам маму и сестёр». Дулом винтовки толкнули в плечи, и я вышла за ворота гестапо. Думала, что сейчас выстрелят в спину. Еле передвигала опухшие босые ноги, которые с трудом сгибались в коленях. На мне было порванное платье со следами застывшей крови. Стояла холодная погода. Вслед за мной по обезлюдевшей улице Советской следовал человек в штатском. Видимо, хотел проследить, куда пойду. А я дошла до парка в центре города, села на скамейку и уснула.

Проснулась глубокой ночью. На соседней скамейке заметила знакомый силуэт человека

в плаще. Он спал. Я тихонько встала, решив идти к маме в направлении Чечерска. Шла через полуразрушенные деревни. Людей — никого. В одной из селений нашла кучку свёклы. Взяла одну и стала скоблить стёклышам, чтобы поесть. В другой деревне зашла в хату. Там дедушка сидел, лапти плёл, а рядом котик из железной баночки пил молочко. А на столе под скатертью бугорок. Там лежал хлеб, спрятанный от мух. «Дайте, пожалуйста, хлебушка», — говорю. А старик схватил меня за руку и лаптем по лицу: «Ах вы, коммунисты! Сейчас я тебе дам хлебушка!» Вырвалась я и бегом из хаты. Встретила на завалинке бабушку. Она мне говорит: «Чего заходила в ту хату? Там же староста живёт. Из-за него всех наших подростков завезли в лес и расстреляли».

МОЛЧАЛИВЫЙ ПОДВИГ

Доходя до деревни Репище Чечерского района, Ира решила переночевать в большом гумне. А рано утром пришли немцы и стали сжигать дома с людьми.

— Смотрю, в соломе моя мама с двумя сёстрами. Вот так мы и встретились, — вспоминает Ирина Лемешева. — Дым не давал дышать, огонь стал подпалывать волосы. И тут у мамы вырвалось: «Лучше умереть от пули, чем сгореть в огне! Так будет легче». Мы выбежали на улицу и попали под выстрелы немцев. Я почувствовала, как из ног пошла кровь. Решила — ранили! Потом оказалось, что во время бега порезала босые стопы о лёд. Добежали мы до рва и бросились вниз. Мама накрыла нас своим телом, сказала: «Меня убьют, вы будете живы». Слышу, фашисты считают: «Айн! Цвай...» Передёрнули затворы и... Прогрели выстрелы. Нет, не немцы! Это подоспели наши партизаны, чьи семьи погибли в деревне в ходе карательной операции.

Вернувшись на военной машине в разрушенный после освобождения Гомель, Ира увидела идущих строем красноармейцев в грязных, потрёпанных шинелях:

— Невольно подумала: «Может, это предатели в нашей форме? Может, военнопленные?» Больше двух лет прожив среди фашистов, не верила, что немцы ушли.

Посчитав, что семья Басакова погибла, советские военные переоборудовали дом подпольщицы по улице 1-й Сельмашевской в кухню.

— Нас приютила соседка Феня. Спали мы у неё в доме, подложив под голову сложенную рыболовную сеть — бредень, так как в полуразрушенных домах не осталось подушек. Есть нам было нечего. Ослабленная мама и сёстры не могли ходить. Чтобы поднять их на ноги, я с консервными банками становилась в очередь к солдатской кухне, — делится эпизодом из жизни Ирина Лемешева. — Военные заметили меня, дали котелки, сказав: «Всегда приходи. Будет тебе хлеб и каша».

После всего пережитого Ирина воспринимала такое отношение как настоящее счастье. Однако немногие из гомельских подпольщиков дожили до Победы. Но именно их сопротивление, их железное молчание, каждый миг их жизни приближали тот самый радостный день — 26 ноября 1943 года.